

Настоящая поэзия — это больше, чем просто мысль, облечённая в слова. Это больше, чем чувство, рождённое в глубине души и выплеснутое наружу. Это особая форма восприятия мира, умение чувствовать его и понимать. Это способность докопаться до самой сути, проникнуть в потаённые уголки человеческой души и обнажить эмоции и переживания, которые другие предпочитают прятать за множеством непроницаемых оболочек.

Это способ достучаться до своего читателя, перевернуть его внутренний мир и наставить на путь познания, саморазвития и переосмысления существующей действительности.

Таковы стихотворения поэта Льва Либолева, прочитать которые можно в сборниках «Мысли вслух», «Из ниоткуда в никуда» и «Стихи». Каждый из них имеет собственную атмосферу. Со страниц автор ведёт разговор со своим читателем. Он находится в непрестанном поиске, размышляет об одиночестве, касается философских тем, животрепещущих вопросов, самых острых переживаний и сильных чувств. А иногда невольно возникает улыбка, когда автор решает показать своё чувство юмора истинного одессита — яркое, искромётное, неподражаемое.

Как поэту удаётся создавать нечто столь многогранное, мощное, проникновенное? Откуда он черпает вдохновение? Чем живёт, на что надеется, во что верит? Наш корреспондент побеседовал с писателем и узнал, как рождается настоящая Поэзия.

— Здравствуйте, Лев! Вы пишете прекрасные стихи, которые берут за живое. В чём Ваш секрет? Где живёт Ваша Муза?

Что нужно, чтобы стать Поэтом?

— Секрета как такового нет. В технике я педант, стараюсь писать очень точно, не нарушая правила языка и соблюдая стилистику и логическую последовательность. Остальное — искренность и правда, даже если пишу о том, чего не знаю, о местах, где не был и т. д. Википедия помогает, без подготовки и не начну. Всё достоверно. В муз и Пегасов не верю, работать надо, постоянно развиваться.

Чтобы стать поэтом... не знаю, не уверен, что стал им. Врождённые способности обязательны, дальше — учёба (не обязательно в соответствующих заведениях) и труд.

— Когда Вы впервые почувствовали тягу к писательству? Какие мысли тогда тревожили? Что Вы ощутили, когда родилось оно — первое стихотворение? Возможно, удастся вспомнить его и рассказать нашим читателям?

— Писать стихи начал в 48, совершенно случайно. Никаких мыслей по этому поводу не было, баловство, переписка с барышней в сети. Первое стихотворение... наверное, оно появилось через год. Тоже в случайной переписке. Помню его, но приводить не хочу, оно было написано лично адресату.

— Считаете ли Вы, что поэзия должна прежде всего развлекать, расслаблять, дарить ощущение эйфории? Или, может, намного важнее пробудить в людях нечто глубинное, скрытое, вероятно, болезненное? Творчество для Вас — способ выразить свои эмоции или возможность докричаться до мира, побудить людей думать, действовать, менять что-то вокруг себя? В чём состоит предназначение поэ-

та? Или ещё есть к чему стремиться, какие горизонты покорять?

– Поэзия ничего и никому не должна. Стоит поставить её в положение обязанного, и она пропадёт, нивелируется. Поэтому крайне не люблю гражданскую лирику, хотя пишу на любые темы. Творчество – это письма в никуда. Кто захочет, тот прочтёт, задумается... кто не захочет – пройдёт мимо, не читая.

Предназначение поэта... быть человеком прежде всего, автором – уже во вторую очередь. Как поэт, он должен быть чутким ко всему, передавать увиденное своим языком, понятным и образным одновременно. Стремиться всегда есть к чему, иначе – конец. Процесс развития бесконечен, совершенствование возможно постоянно... хотя и не всегда достижимо.

– Есть ли поэт или писатель, который вдохновляет Вас братья за перо? Кто-либо, кто оказал особое влияние на Ваше творчество?

– Классика есть классика, тем она и хороша... Есть также избранные, конечно, но в первую очередь интересны поэты Серебряного века. Бродский и Пастернак особенно. Перечитываю их постоянно.

– Три сборника – «Мысли вслух», «Из ниоткуда в никуда», «Стихи» – какой из них, на Ваш взгляд, получился самым удачным, самым глубоким, самым интересным для Вас лично и для читателя? Какое стихотворение Вы могли бы назвать любимым?

– Первый сборник был пробой, первым блином. Он, как известно... Два последующих считаю равнозначными. Любимых стихов нет, есть более удачные, есть проходные, есть и неудачи... как и у всех.

– Вы часто касаетесь темы одиночества. Почему? Считаете его бичом современного общества индивидуалистов или благом, о котором только можно мечтать?

– Одиночество может быть и несчастьем, и благом... это вопрос использования. Как ни странно, иногда оно тяготит, необходимо. Мне оно не мешает, мы хорошо уживаемся.

– Вам нравится экспериментировать? Пробовать себя в разных стилях, разных жанрах? Ставить опыты с рифмами и ритмами? Какой эксперимент был самым смелым, самым необычным именно для Вас?

– Экспериментов было множество, и они не прекратились... совершенствование требует новых поисков, но никогда не забываю, что новое не всегда лучшее, и слова Юозаса Мильтиниса, которые часто повторял Банионис, – «ищите не новое, ищите вечное».

Самый смелый эксперимент – написанные поэмы в трёх частях. Этакая поэма-элегия... непросто было.

– А в прозе Вы себя пробовали? Проще ли выражать важные чувства и мысли через стихи или у тех, кто пишет десяти-томные романы, больше возможностей достучаться до сердец читателей?

– Прозу я не пишу... это отдельная вещь, другая техника, другая лексика... Достучаться до людей прозой легче, как мне кажется, но поэзия мне интереснее.

– В чём Вы видите смысл жизни? И в чём для Вас заключается свобода? Считаете ли свои стихи свободными от предубеждений и стереотипов?

– Смысл жизни, наверное, в том, чтобы об этом поменьше думать. Просто жить, радоваться тому, что есть, делать то, что удаётся. Свобода – понятие очень относительное, все мы зависим от чего-то. Абсолютной свободы нет и быть не может. Мы

Купить книгу
[planeta-knig.ru/shop/897/
desc/iz-niotkuda-v-nikuda](http://planeta-knig.ru/shop/897/desc/iz-niotkuda-v-nikuda)

хотим добиться того уровня, который нас устраивает, а он у каждого свой.

Не знаю, насколько мои стихи свободны от предрассудков и стереотипов. Хочется думать, что свободны. Хотя в какой-то степени.

– **Есть ли у Вас определённые творческие планы на ближайшее будущее? Возможно, работаете над новым сборником?**

– Планов нет, есть некоторые желания... но они не столь принципиальны и обязательны к исполнению. Над сборником не работаю, повода к этому нет.

– **Спасибо, Лев, за честные ответы. Надеюсь, все Ваши желания исполнятся, цели будут достигнуты, а Ваше творчество найдёт своего читателя не только среди современников, но и в будущем.**

Купить книгу

planeta-knig.ru/shop/128/desc/mysli-vslukh

Купить книгу

planeta-knig.ru/shop/1872/desc/stikhi

Последняя четверть

Имея в запасе три четверти часа, выходишь на улицу, едешь трамваем... Но двери, в которые не постучался, ответят едва ли – ты неузнаваем в надвинутой шляпе. Ломись без оглядки в любые ворота, любые калитки. Но толку. Красивый и выбритый гладко, напрасно гуляешь по глянцевой плитке, асфальту, бульжнику. Даже земляца легко принимает подошвы литые... Так просто – фиалке лесной умилиться, сложнее задуматься – нужен ли ты ей. Две четверти... Стало дышать тяжелее, пальтишко измято, с деньгами поплоче. Не надо твердить – ни о чём не жалею, не стоит хвалиться – работал как лошадь. Ты сотки швырял в дорогих ресторанах, но ездил трамваем, но топал по лужам. И с каждым бродягой базарил на равных, с торговкой базарной, юнцом неуклюжим. А сколько фиалок ложились под ноги, а сколько дверей для тебя открывалось... Сегодня короткая память у многих, таится в походке унылая вялость, зато вот запястье браслетом согрето, квадратами звенья касаются кожи. Заманчивый блеск золотого брегета тебе не поможет, усталый прохожий. Все двери закрыты, персона нон грата, козырная шляпа, букетик в петлице... И четверть минутного триумвирата не повод надеяться и веселиться. Скорее, напротив – истоптана обувь, весь город исхожен, пороги обиты... Под шляпой упрятаться даже не пробуй, не пробуй сместиться

с привычной орбиты.

Трамвайчик уверенно тянет по рельсам короткое время... Пора возвращаться. И мартовский путь

переходит в апрельский, тебя привечая брегетовым счастьем, браслетом, в котором квадратные звенья, надвинутой шляпой, пахучей фиалкой. Последняя четверть длиннее забвенья, всего на минуту, которой не жалко.

ЯТЬ

Нам больше в этом некого винить,
что жизнь, как будто ламповая нить,
имеет срок, вполне определённый.
Имеют сроки наши имена,
любовь, непонимание, война,
но нет ни образца, ни эталона,
пригодного для всех. Горит вольфрам,
за старым храмом строят новый храм,
другая мысль пока не посетила...
Но всё же стихотворец не монах,
скупают горожане в деревнях,
и новым гуннам так же мил Аттила.
Винить не нужно тонкую спираль
за то, что будет холоден февраль,
зато причина есть для возлияний...
Давай-ка выпьем. Красного налей.
Сегодня не отыщешь королей,
и новых дев не видно в Орлеане.
Опять пишу... На то и голова,
чтоб в ней сияли разные слова,
чтоб свет переполнял пустую колбу,
иначе тьма сгущается в мозгу...
Возможно превозмочь? Превозмогу,
хотя оно уже что в лоб, что по лбу.
Титан и стоик, но не финансист,
взвалил на плечи, – стало быть, неси
тяжелый груз питья и опохмела.
Когда в карманах нету ни гроша,
то ясно, что не слишком хороша
на древе знаний белая омела,
которая всего лишь паразит.
Открытие тебя не поразит,
поскольку сам из грязи вышел в князи,
поскольку знаешь – мир совсем иной,
а тут сидишь и давишься слюной,
но виду не подашь, ни в коем разе.
Да будет свет! Опять вернусь к стихам...
Прости за то, что ветреник и хам,
кишит строка обилием шипящих.
Известность? До неё рукой подать –
добавил твёрдый знак и букву «ять»
и в пару строчек – «паки» или «аще»,
тогда прибудет меди и рублей...
От света не становится теплей,
успех не продлевает срока нити.
Хоть гуннов нет, но стрелы их остры,
для новых дев готовятся костры,
а все вельможи просят – извините.

Глядишь, а там уже и вышел срок,
ослаб накал, ты сам себя обрёк
отказом от войны, питья и брашна...
Одной любви неведома кутья,
так светит слово в лампе бытия,
что даже угасать не очень страшно.

Канон

Так пейзаж становится натюрмортом,
в шесть утра, спросонья глаза тараща,
ощутив себя ни живым, ни мёртвым,
но творцом, картины свои творящим
просто так, от скуки меняя стили,
чтоб не нужно было вставать с постели,
чтоб грехи святители отпустили,
чтобы рамы заново опустели...
Но встаёшь собакой из тёплой лёжки,
плечи съёжив, моешь под краном кисти,
беспокойно звякаешь чайной ложкой,
упиваясь собственной реконкистой,
отбивая утренние наброски
у промозглой темени заоконной,
лентой дыма тлеющей папироски –
элементом воинского канона
и привычкой графика... Живописцы
видят всё иначе – в цветах и красках.
Живописцам нужно в детали вгрызться,
живописцам надо в объём закрасться
по законам жанра. Рисунок линий,
он совсем другой, угловатый, резкий...
Потому, что клин выбивают клином,
подменив деталь монохромной фрески
за окном на улице... Стильный морок
покорёжен абрисами предметов –
телебашен, парков, мостов, каморок...
Вот фонарь включил дедуктивный метод
и добавил светлого... На повторе
можно сделать множество разных копий.
Что в Завете Ветхом – то было в Торе,
а вокруг наломано много копий.
Натюрморт на кухне, пейзаж на стенке,
из теней бутылочных, дряг вчерашних...
По ночам приходят ко мне шатенки,
по утрам блондинки заводят шашни
с перепетым или же – перепитым,
с перепитым или же – перепетым...
А потом летят по своим орбитам
и живут согласно своим обетам.

Торба

Неразрывная память, прорех не сыщешь,
А что с воза упало – ищи-свищи.
Сохраняется рублик, теряешь тыщу,
выливаешь окрошку, готовишь щи.

По-простецки, не нужно деликатесов,
разносолы для памяти – чистый яд,
обжираловка – это от стрессов средство,
потому вспоминается всё подряд.

Было-не было – значит – нафантазируй,
будто яблоко Еве ты сам отдал...
Что мы в память складуем для блезиру –
полустанки, проулучки, города.

Забываются лица, за ними – даты,
помним птичек и кошек, ещё – собак.
Анекдотец затасканный, бородатый,
и словечки крылатые – «не судьба».

Всё на месте, тащи на себе, не горбись,
не теряя ни крошечки, ни куска...
А прорех не отыщешь в бездонной торбе,
жаль, что молодость тоже не отыскать.

Я здесь

Стихи закончатся, а с ними
закончусь я, хотя не весь...
Я стану птицей. Осень снимет
с календаря благую весть
о том, что всё, что стал пернатым,

свищу... свистеть не перестал.
Швырнёт патологоанатом
на свой холодный пьедестал
мою ошипанную тушку
и вскрыет то, что было мной...
Как странно – в маленькой клетушке,
пустой, межрёберной, грудной,
меня не будет. В день осенний,
на это глядя сверху вниз,
укрытый сенью воскресенья,
свищу – прохожий, оглянись,
Я здесь. А ты один из многих,
не признающих волшебства,
кому бросаются под ноги
слова, как палая листва.

Осенняя пчела

Заслушалась осенняя пчела,
достигнув края форточного канта...
Как будто бы оружие, в чехлах
уносят инструменты музыканты.
Начищенные медные стволы
ещё теплы, куда не остыли.
А лица музыкантов так светлы,
исполнены огня в рублёвском стиле,
почти иконописны... Кисти рук
чисты, полупрозрачны, длиннопалы.
Пчела взлетела... выписала круг,
потом в изнеможении упала,
забылась и застыла между рам...
Мелодии оставленное жало
исчезло, затерялось по дворам,
по листьям цвета меди побежалой.